

М. Н. Загоскин

Искунитель

Тома 1-3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
3-14

3-14 **Загоскин М.Н.**
Искуситель: Тома 1-3 / М. Н. Загоскин – М.: Книга по Требованию, 2021. –
706 с.

ISBN 978-5-518-09619-6

ISBN 978-5-518-09619-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лосами, что у нее былъ прелестный ротикъ и два ряда зубовъ, которые я не называю перлами потому только, что это сравненіе сдѣлалось слишкомъ уже обыкновеннымъ. Конечно, это никому не придетъ въ голову, никому кромѣ мужа, для котораго милы ея морщины: она нажила ихъ проведя всю жизнь со мною. Почти тридцать лѣтъ постояннаго счастія, тридцать лѣтъ сряду, какъ въ первый день сватьбы, все тѣ же *совѣтъ* и *любовь*, два сына и три дочери, изъ которыхъ меньшая, какъ двѣ капли воды, походить на мать свою. О! эти прелести стоятъ, безъ сомнѣнія, тѣхъ, отъ которыхъ мы сходимъ съ ума въ наши молодые годы. Вѣрная подруга въ жизни, добрая жена никогда не состарѣется для своего мужа, и всякой разъ, когда я подумаю, что этотъ злой духъ, этотъ сатана, котораго я самъ вызвалъ изъ преисподней, могъ навсегда разлучить

меня съ нею; то вся кровь застываетъ въ моихъ жилахъ. Такъ, онъ точно былъ демонъ; но разумѣется нашего вѣка; не съ хвостомъ и рогами, а одѣтый по послѣдней модѣ, остроумный, насмѣшливый, точь въ точь такой, какого навязалъ себѣ на шею черно-книжникъ Фаустъ. Вы думаете, что я шучу, или можетъ быть, величаю демономъ какогонибудь злодѣя? О! нѣтъ! я говорю безъ всякихъ риторическихъ фигуръ, и называю злымъ духомъ не человѣка, а того, котораго имя не выговорить ни одна набожная старушка не перекрестясь, и не примолвивъ: «наше мѣсто свято!» Смѣйтесь надо мной, если хотите; но я въ этомъ увѣренъ, и, быть можетъ, увѣрю и васъ, когда расскажу вамъ кой-что про первые года моеѣ молодости.

Мнѣ не было еще трехъ мѣсяцовъ, когда покойная матушка скончалась; отецъ мой скоро послѣдовалъ за нею,

и я на четвертомъ году остался круглымъ сиротою; даже близкихъ родственниковъ у меня не было. Исполняя послѣднюю волю умирающаго отца моего, опредѣлили ко мнѣ опекуномъ, внучатнаго его брата, Ивана Степановича Бѣлозерскаго. Сиротство мое прекратилось съ той самой минуты, какъ я вступилъ въ домъ этого почтеннаго человѣка; но прежде чѣмъ я стану говорить о самомъ себѣ, мнѣ должно познакомить васъ покороче съ семействомъ Бѣлозерскихъ и съ уединенной деревнею, въ которой я выросъ, образовался и провелъ большую часть моей молодости, — теперь я далеко отъ нее; но, быть можетъ, мнѣ удастся еще разъ взглянуть на это мирное убѣжище моего дѣтства, и тогда — если Господь будетъ до конца ко мнѣ милостивъ, я весело засну, спокойнымъ, но не вѣчнымъ сномъ, безъ скорби и отчаянія, а съ теплою вѣрою, что минута про-

бужденія будетъ для меня и для всѣхъ моихъ минутой радости и неизъяснимаго блаженства.

Иванъ Степановичъ Бѣлозерской вступилъ въ службу въ достопамятный годъ Чесменской битвы и знаменитой побѣды подъ Кагуломъ. Онъ служилъ въ гвардіи. На двадцать девятомъ году влюбился въ сестру своего начальника, милую, добрую и прекрасную дѣвушку; на тридцать второмъ обвѣнчался съ нею, черезъ годъ она родила ему дочь; потомъ въ 1790-мъ году дѣлалъ Шведскую кампанію; дрался какъ левъ въ сраженіи подъ Абесферсомъ, и за отличіе произведенъ въ Капитаны. Вскорѣ за тѣмъ вышелъ за ранами въ отставку съ чиномъ Бригадира, и отправился съ женою и дочерью на житіе въ свое наслѣдственное помѣстье; но не для того, чтобъ порекать за зайцами. Онъ занялся благосостояніемъ своихъ поселянъ, и хотя сосѣдніе дво-

ряне называли его плохимъ экономомъ, потому что онъ думалъ о выгодахъ своихъ крестьянъ столько же, сколько о своихъ собственныхъ; но не смотря на это, доходы его съ каждымъ годомъ умножались, мужички богатѣли, и начиная отъ барскаго двора до послѣдней избы, отъ помѣщика до крестьянина, вездѣ благодарили Господа и всѣ жили припѣваючи. — «Чудное дѣло» — толковали межъ собой сосѣди — «этотъ Бѣлозерской вовсе не радѣетъ о своей пользѣ, а все какъ-то ему въ руку идетъ!»

Прогуливаясь по селу съ женой и дочерью, Иванъ Степановичъ встрѣчалъ вездѣ одни привѣтливыя и веселыя лица; ребятишки отъ нихъ не прятались, не выглядывали украдкою изъ подворотней, а выбѣгали всѣ на улицу, и часто какой нибудь почти столѣтній старикъ кряхтѣлъ, а слезалъ съ палатей, чтобъ выдти за во-

роты и взглянуть на добрыхъ господъ своихъ. — «Дай Богъ имъ много лѣтъ здравствовать!» — говорили межъ собой мужички. — «Неча сказать, знатные господа! Бога помнятъ, крестьянъ своихъ жалуютъ. — А наша барышня» — болтали старухи, — «родная-то наша матушка, Марья Ивановна! эка лебядь бѣлая! всѣмъ взяла! топенька только — сердечная! Да Богъ милостивъ, войдетъ въ года, будетъ подородище!»

Когда мнѣ минулъ восемнадцатый годъ, и я сбврался уже въ Москву, Ивану Степановичу было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Онъ очень часто прихварывалъ, прострѣленная нога и разрубленное плечо мучили его передъ каждой переменною погоды. Лице его, съ котораго еще не со всѣмъ исчезъ румянецъ молодости, не имѣло въ себѣ ничего особеннаго, ничего такого, что поражаетъ насъ съ перваго взгляда; но когда онъ говорилъ, когда пожи-

малъ съ ласкою вашу руку, когда глаза его оживлялись простодушіемъ и добротою; то всѣ черты этой спокойной и свѣтлой фізіогноміи навсегда врѣзывались въ вашу память. Не много есть художниковъ, которые умѣютъ разливать жизнь и, такъ сказать, влгать душу въ свои произведенія, и вотъ почему изъ всѣхъ портретовъ Ивана Степановича не было ни одного сходнаго: всѣ они изображали лице простаго челоуѣка съ самой обыкновенной, пезначущей фізіогноміею. Въ этомъ *дюжинномъ* лицѣ не было ничего ни противнаго, ни привлекательнаго; но это потому, что оно точно также походило на свой подлинникъ, какъ походить неподвижный водопадъ въ картинѣ ца паденіе Рейна или Ніагары. Вода, пѣна, брызги, все списано вѣрно съ натуры; но гдѣ жизнь и движеніе бурной рѣчки, которая ежеминутно, измѣняя свой образъ, стремится,

летить и съ грохотомъ исчезаетъ среди кипящей пучины?

Хотя въ то время женѣ Ивана Степановича было уже гораздо лѣтъ за сорокъ, но взглянувъ на нее не лѣзя было не подивиться, что у нее дочь невѣста. Есть старая Французская поговорка: *c'est la lame qui use le fourreau*. И подлинно: злоба, отчаяніе, порывы гнѣва, точно также какъ безмѣрная радость, сумасшедшая любовь, и вообще всѣ необузданныя страсти, истребляя здоровье, почти всегда бываютъ причиною нашей преждевременной старости. Мы обольщаемся краснорѣчивымъ описаніемъ всѣхъ сильныхъ страстей; любовь, не доходящую до безумія, мы не хотимъ называть любовью, забывая о томъ, что всякое неистовое чувство унижаетъ достоинство чело-вѣка, и какое бы названіе ни дали страсти, которая превращаетъ васъ или въ дикаго звѣря, или въ малодушное

существо, не имѣющее собственной воли, — эта страсть всегда останется чувствомъ противнымъ Богу и нашей совѣсти, потому что она, затмѣвая разсудокъ, сближаетъ насъ съ животными и, такъ сказать, *оземляетъ* наше небесное начало. Кроткая душа Авдотьи Михайловны, — такъ звали жену Бѣлозерскаго, — не знала ненависти, а теплая вѣра укрощала чрезмѣрную чувствительность, къ которой она была способна. Когда Господь посѣщалъ ее горестію, она молилась, и скорбь ея никогда не переходила въ отчаяніе; ощущая необычайную радость, она спѣшила благодарить Бога, и сердце ея облегчалось. Конечно и она была не всегда одинаково весела и довольна; но ее никогда не покидали этотъ душевный миръ и спокойствіе, столь же мало похожіе на холодный эгоизмъ, сколь мало походятъ стоячія воды грязнаго пруда на свѣтлыя струи ручья,

который хотя и не вырываетъ съ корнемъ деревья, какъ живописный горный потокъ; но за то тихо и стройно течетъ въ берегахъ своихъ, разливая вокругъ себя жизнь и прохладу.

Я сказалъ уже слова два о ихъ дочери. Представьте себѣ.... или нѣтъ!... дайте полную волю вашему воображенію, и будьте увѣрены, что оно не создастъ ничего лучше и милостивѣе Машиньки Бѣлозерской, когда ей минуло шестнадцать лѣтъ. Чтобъ окончить описаніе этого семейства, мнѣ должно упомянуть еще объ одномъ служителѣ, или лучше сказать, *домочадцѣ* Ивана Степановича. Я не могъ приискать ничего приличнѣе и вѣрнѣе этого стариннаго Русскаго названія, чтобъ опредѣлить однимъ словомъ, къ какому разряду домашнихъ принадлежалъ дядька мой Кондратій Бобылѣвъ, нѣкогда заслуженный гвардейской Сержантъ, а потому дворецкой и прика-